

И. Т. РАДОЖИЦКИЙ

Походные записки артиллериста. 1812–1816

<Фрагменты>

ГЛАВА I

До открытия военных действий

*Нечто о Наполеоне.— Предвещатель.— Шпионы.— Несвиж.—
Начало движения войск.— Бал в Слониме.— Смотр и поход.—
Способ фуражирования.— Проезд императора.— Смотры.—
Командировка в Бобруйск.— Нечто о Фигнере.—
Движение к границе*

Наполеон с высоты престола своей воинственной монархии рассеивал ужас по всей Европе. Имя его приводило в трепет не только немецкую чернь, но и русскую, которая не иначе о нем разумела, как об антихристе, по сходству имени его с апокалипсическим Аполлионом. Оно было камнем преткновения для русских мудрецов.

В офицерских беседах о Наполеоне часто сожалели мы, что судьба не свела его с Суворовым — не нашла коса на камень. Может быть русский аннибал не допустил бы великого корсиканца воссесть на трон династии Бурбонов. Но законы судьбы неизменны: Наполеон после Египетского вояжа своего штыками заставил признать себя главою республики. Последующие подвиги превосходнее и решительнее первых утвердили его владычество, и с новым столетием явился новый император французов в Европе.

Каков был Наполеон, о том все знают и много писали. Большая часть черни-писателей бранили его без милосердия, и лаяли, как Крылова моська на слона; между тем полководцы, министры и законодатели перенимали от него систему войны, политики и даже форму государственного правления. Он был врагом всех наций Европы, стремясь поработить их своему самодержавию, но он был гений войны и политики: гению подражали, а врага ненавидели.

Слава подвигов наполеоновых заставила забыть о корсиканце. Устрашенная Европа взирала с трепетом на великого императора французов, ожидая от него окончательного удара. Сразив последние усилия Германии, он мог бы, казалось, стереть с лица Европы престолы некоторых держав; но победитель предпочел лучше облагородить свое

племя вступлением в родство с древнейшею династией императоров Германии. Завоевать у сильного царя дочь было всегда целью героев в романах и сказках. Наполеон исполнил это и к своему роману прибавил новую статью: посадил младенца на престол римских цезарей и назначил ему в наследство — мечту обладания миром. Если еще одна держава дышала, и страшный завоеватель пощадил ее существование, то, может быть, этим она обязана смежности своей с могущественною Россией. Наполеон уважал великую соперницу, но он ей готовил гидру близ самого сердца, возродив из пепла разрушенной Сарматии¹ политического феникса. Только еще Россия и Англия не ужасались гиганта; одна по могуществу на суше, другая по владычеству на морях. Они острили мечи свои для сокрушения его величия.

Не буду распространяться о необычайном человеке, положившем начало политическим переворотам для будущих поколений; не буду говорить о разрыве союза сильных монархов, о приуготовлениях к войне, о числе войск и проч.; все это известно и не принадлежит к моему объему. Приступаю к ближайшим обстоятельствам.

До начатия войны 1812 года, 11-й Артиллерийской бригады 3-я рота, в которой я служил поручиком, была расположена кантонир-квартирами в городе Несвиже Минской губернии. Бригада наша входила в состав войск 6-го корпуса под командою генерал-лейтенанта Эссена 2-го².

Мы жили в Несвиже довольно весело и не думали о французах; немногие из наших офицеров между службой занимались политикой. По газетам доходили и до нас кой-какие новости; но мы в шуме своей беззаботливости скоро о них забывали. Один только N*, как человек грамотный, занимавшийся чтением Священного Писания и Московских ведомостей, более всех ужасался Наполеона. Терзаемый призраками своего воображения, он стал проповедовать нам, что этот антихрист, сиречь Аполлион или Наполеон, собрал великие, нечистые силы около Варшавы не для чего иного, как именно для того, чтобы разгромить матушку-Россию; что при помощи Сатаны Вельзевула, невидимо ему содействующего, враг непременно полонит Москву, покорит весь русский народ, а затем вскоре последует — светопреставление и страшный суд. Мы смеялись таким нелепостям в досаду N, который называл нас безбожниками; он, не шутя, был внутренне убежден в своем пророчестве и, беспрестанно нюхая табак, уговаривал нас верить ему по совести, причем ссылался на девятую главу Апокалипсиса, где именно сказано о Наполеоне, как о предводителе страшного воинства со львиными зубами, в железных латах и с хвостами, подобными скорпионовым. Разум несчастного грамотея столь сильно поколебался, что когда командировали его по делам службы в Москву, он на пути всем и каждому

* Один из нестроевых офицеров.

предсказывал об Антихристе Наполеоне*. Может быть не один N наш находился тогда в подобном помрачении ума; все читатели Апокалипсиса подвергались той же участи: одним грезилась предвещательные сны, другим мерещился антихрист наяву.

Такие феномены редки, хотя не представляют ничего особенного, кроме последствий от сильного потрясения в мозге. Люди, занимающиеся более других современными событиями в политическом мире, через сравнение прошедшего с настоящим могут довольно вероятно заключать о будущем, ибо от одинаковых причин происходят одинаковые действия. Франция при Наполеоне была *сильнее* России; бесчисленные воинства его стояли у самых границ наших. Умы большей части народов были предубеждены в непобедимости Наполеона; настоящий ход происшествий обнаруживал его враждебные замыслы. Какой сын России не ужасался, видя громаду сил непобедимую, готовую со всеми бедствиями ринуться на любезную родину? Чье сердце не содрогалось при одной мысли о чужом порабощении? От такого потрясения в умах могли происходить прорицательные видения и мнимые откровения, которые отчасти оправдывались событиями. Так глубокие политики по ходу современных происшествий, обнимая взором прошедшее и соображаясь с будущим, могут видеть судьбу государств вперед на несколько лет.

<...>

В частном кругу своем мы ограничивались одним Несвижем и первые два месяца провели в увеселениях. Сверх обыкновенных танцевальных собраний по воскресным дням, называемых в Польше редутами, на которых являются милые паненки с свежими прелестями, командиры наши давали нередко балы вечера. Новый год встретили мы танцами, всю масляницу проплясали и в приятном угаре предавались сладкой сентиментальности. Пожилые офицеры страшились Наполеона, видя в нем ужасного завоевателя, нового Аттилу, а мы, юные, дружно резвились с Амуром, вздыхали и охали от ран его... Как вдруг раздался громовой удар войны, и нам сказан поход. Увы! прощайте, милые паненки!

Нелегки были сборы к походу. 28 февраля наша рота с бригадным штабом выступила из Несвижа.

Два года стояли мы на непрременных квартирах, но жители при выступлении нас не провожали, как бывает после хорошего квартирова-

* Мы сами после удивлялись событию, когда французы действительно вторглись в Россию и заняли Москву. N, выпущенный из своего заточения в день их вшествия, явился к нам в лагерь при Красной-Пахре. Страдания изменили черты лица его; бледность, впалые помутившиеся глаза и страсть к тавлиночному табаку показывали человека, совершенно в уме расстроенного. Прощаясь, он страдал нас скорым светопрествлением.

ния. Причиною сему, кажется, было то, что поляки думали тогда более о Наполеоне, и о возрождении своей отчизны, а жидаы, составлявшие большую часть жителей в Несвиже, были довольны, что избавились от лихих москалей. Напротив того, мы с сожалением оставляли место, где жили приятно и весело, где пленяли нас милые красавицы. Каждый шел в поход не без зазнобушки в молодецкой груди своей. Сколько страстных вздохов перелетело в город и за город до первой станции! Сколько прощальных слезок омочило белые платочки красавиц и скатилось на усы вздыхателей! Сколько клятвенных записочек с поцелуями верности, с памятными ленточками, волосками и стишками перенеслось из ридикюлей в бумажники и вскоре употребилось на папильотки или на раскуривание трубок! — О юность! Милы твои затей!

Еще рыхлые глыбы таявшего снега покрывали дорогу. В первой корчме, в семи верстах от города, наш ротный командир дал прощальный завтрак немногим из своих приятелей или товарищам бостона, нас провожавшим. Тут явилась картина смешения скудости с изобилием, нищеты с богатством: серебро, фаянс и прозрачный хрусталь в закоптелом жидовском жилище блестели с лакомым кушаньем и напитками. Там, где кроме водянистого полугара ничего прежде не разливалось, пенилось теперь шампанское: прощальные бокалы чокались усердно и опоражнивались проворно.

От корчмы продолжали мы путь свой к Слониму и пришли туда 4 марта. Дорогою не столько занимались предметом похода, как воспоминаниями о Несвиже; в счастливой беспечности распевали песенки, а для ночлегов останавливались в закоптелых, смрадных хижинах, в которых душную атмосферу прочищали табачным дымом.

В Слониме богатый помещик Маршал П** в знак своей приязни к русским задал бал, на который пригласил и наших офицеров. Тут увидели мы опять миленьких паненок; но мысли наши, не изменяя первому впечатлению, были заняты несвижскими. Настоящие обстоятельства не позволяли веселиться откровенно: лица у всех были пасмурные, недоверчивые, и гости, казалось, собрались не для удовольствия, а в угоду хозяину. Сам маршал* важно расхаживал в блестящих от освещения комнатах среди многочисленного собрания и редко кого достаивал немногими словами.

<...>

10-го апреля государь император наш изволил проехать в Вильну чрез м. Лиды и на пути осматривал войска. В Больших Солешниках Бригадный командир наш полковник Котляров представлял его

* В Польше предводители дворянства назывались маршалами, губернскими и поветовыми или уездными. Это звание присваивается в титуляции дворянами и по сложении обязанности.

величеству ординарцев, которые обратили на себя внимание императора и удостоились получить денежное награждение.

Между тем как производились окончательные переговоры дипломатов, и Наполеон сближал свои войска к нашим границам, весь апрель мы простояли на месте.

В мае, по приказу главнокомандующего, догадывались мы, что дело идет о войне с французами. Три роты артиллерии 11-й бригады собрались при Больших Солешниках для инспекторского смотра от начальника всей артиллерии графа Кутайсова, а потом, через несколько дней после, приезжал смотреть нас корпусный командир граф Шувалов.

Инспекторские смотры во всей армии беспрерывно продолжались. В это время от бригады командировали меня в Бобруйск и в Слоним выписывать из госпиталей на службу выздоравливающих артиллеристов. Я проезжал через Несвиж. Тут воспоминание о прошедших радостях тронуло мою сентиментальность. Я не мог отказать себе в удовольствии, чтобы не погулять уединенно в пустынной Альбе, прекрасном зверинце князя Радзивила³, за городом. При входе в эту очаровательную рощу воображение представило мне картины минувшего; тут под тению берез собирались мы любоваться природою, валялись на свежей мураве и вдыхали в себя аромат благоухающих цветов; там, в густоте лип, внимали трелям соловья, и отголоски нежных тонов его провожали страстными вздохами; а там, под сводами ветвистых дубов, в прохладные вечера пивали душистый чай и, покуда еще кипело в самоваре, играли на поляне в горелки и в веревочку. Здесь румяная брюнетка подарила своему обожателю ленточку; а там стыдливая блондинка так мило улыбалась другому, что заставила его несколько дней сряду вздыхать и видеть ее во сне. Иногда на лодочке по озеру отваживались они с нами пускаться в чащу камыша, где мы гонялись за гордыми лебедями... Правду сказал один умный человек, что мы живем воспоминаниями! Так воспоминание в пустынной Альбе о минувших радостях усладило на несколько минут свою печальную существенность.

В самом Несвиже все приняло какой-то чуждый вид: люди, чем-то озабоченные, являли угрюмые, пасмурные лица. Гимназисты и школьники большими партиями под предводительством доминиканских монахов гуляли по городу с барабанным боем и воинственным криком, неся на шестах пестрые платки в виде знамен. Это меня изумило. Я подошел к полуобритому их предводителю и спросил, что это значит? — *Муштра* (ученье), — отвечал он. — Для чего? — Так, для *пшиклада* (для примера). Ответ показался мне подозрительным; я отыскал городничего и заметил ему, что при настоящих обстоятельствах, кажется, неуместна такая муштра школьников. — Да они шалят! — отвечал городской, разумея сам, к чему клонилась эта шалость. Он был из правдивых поляков⁴.

<...>

В первых числах июня корпус наш двинулся к границе; корпусная штаб-квартира находилась в Олькениках, а наша бригадная в Ойшишках. Авангард корпуса под командою генерала Дорохова стоял в Оранах. Войска, сблизившись, расположились в тесных квартирах. Легкую артиллерию разделили по бригадам армейских полков. Нашей роте досталось быть в 1-й бригаде 11-й дивизии, между отличными полками Перновским и Кексгольмским под командою генерала Чоглокова. — Мы отбыли еще несколько сотен от бригадных и дивизионных командиров.

Войска вообще были хорошо одеты и выучены; солдаты рослые, стройные, добрые ожидали с нетерпением похода за границу, чтобы ударить на француза по старой привычке.

В Олькениках мы стояли около недели, ожидая со дня на день похода вперед, но вдруг получили приказ: 12 июня идти поспешно назад в Яшуны. Причиной столь внезапного движения были французы, которые предупредили нас, и сего числа до рассвета перешли границу через р. Неман. В Мериче они захватили все команды нашей дивизии, посланные туда для принятия из магазина провианта.

От Олькеник в Яшуны, 40 верст расстояния, мы прошли в один переход; кажется, не одни мы так поторопились: война началась не на шутку.

ГЛАВА II

От Вильны до Двины

*Объявление войны. — Рассуждение о кампании. —
Лагерь пред Вильною. — Начало ретирады. —
Встреча с неприятелем. — Открытие сообщения
между корпусами. — Лагерь при Двине. — Молебство о победах. —
Состояние войск неприятельских и наших*

14 июня 11-я артиллерийская бригада выступила к Вильне и, не доходя версты три до города, стала на большой дороге у корчмы в ожидании приказаний. Окрестности Вильны принимали вид воинственный; со всех сторон сходились войска; дороги были заставлены обозами. Это новое и необычайное для нас, молодых воинов, зрелище возбуждало общее любопытство, тут бригадный командир получил пакет с высочайшим манифестом о войне с французами. Сам полковник вкругу офицеров прочитал вслух незабвенные строки царского слова, положившие в сердца русских семя мщения врагу России, и начало крушения его могущества. Особенно последние слова одушевили всех и глубоко врезались в память каждого. Сказано было: «Громкая победами кровь славян течет в вас. — Воины! — вы защищаете веру, отечество, независимость; — Я с вами! на начинающего Бог!» — «Война!», — вскричали офицеры, весьма тем

довольные, и воинственная искра пробежала электрически по жилам присутствующих.

Если б знал тогда Наполеон, сколько было духа и охоты в русских подрасться с его войсками, не страшась их множества; если б мог он проникнуть в смысл царского изречения, объявленного народу: «Я не положу оружия, доколе ни единого неприятельского воина не останется в царстве моем!» — если б, говорю, Наполеон знал решительность нашего императора и твердость русского народа, готового бороться с ним до последней крайности, то не имел бы суетной надежды занятием Москвы покорить Россию. Но *он увлечен был неизбежным роком: судьба его долженствовала совершиться**.

Мы думали, что непременно пойдем навстречу французам, сразимся с ними на границе и погоним их далее. Но кто знал политические обстоятельства, тот иначе рассуждал: собственно первое наше нападение было бы дерзко и несчастливо; судя по превосходству сил неприятельских перед нашими, даже безрассудно бы было при встрече давать решительное сражение. Французских войск, привыкших к победам, собралось тогда вдвое против наших; о самом предводителе их должно сказать, что история новейших времен не представляла ему подобного ни в счастии, ни в искусстве побеждать. Кто бы осмелился состязаться с ним? Кто бы превозмог его стратегию и тонкую политику? — Наполеона стали побеждать только собственным его оружием: приняв ту же систему политики и тот же образ войны. Итак, слабейшему надлежало прибегнуть к военной хитрости: уступать шаг за шагом сильному неприятелю, заводит его далее и далее в леса и болота, где недостаток продовольствия, изнеможение от продолжительных маршей и суровость климата настолько бы истощили его, чтобы, наконец, слабейший осмелился напасть на обессиленного врага своего. Пример гибели Карла XII освежился в памяти русских. Наполеон, путеводимый судьбою, хотел быть беспримерным.

Русские до сего времени не умели ходить назад, и слово *ретирада* в их понятии, заключало в себе нечто предосудительное, несвойственное достоинству храбрых воинов, прирученных Румянцовым и Суворовым ходить всегда вперед и побеждать. Иной полководец, может быть, никогда бы не решился на продолжительную ретираду; он скорее бы лег, как Леонид, со всеми воинами у рубежа границы, а не повел бы за собою неприятелей в сердце отечества. Но как бы хорошо ни был составлен план нашей кампании, только едва ли возможно было заставить неприятеля действовать по предположению, особенно Наполеона, который умел пользоваться чужими ошибками. Избалованный фортуною, он хотел одним полетом пронестись до Москвы, чтобы так же скоро и славно кон-

* Известное изречение Наполеона о России пред начатием войны.

чить в ней Русскую кампанию, как удалось ему совершить Австрийскую и Прусскую взятием Вены и Берлина. Но, кажется, Россию он худо знал и впоследствии времени, думая восторжествовать силою своего гения над всеми бедствиями, был жестоко наказан.

14 июня пехотные корпуса генералов Тучкова и графа Шувалова соединились, стали в боевом порядке перед Вильною; наш 4-й корпус занял левый фланг позиции на месте, называемом *Погулянки*, и примыкал к большой дороге, идущей от новых Троков в Вильну. Здесь увидели мы большое собрание войск и услышали разные вести о вторжении французов; говорили, что многие поляки нам изменили, перебежав к Наполеону, и что от всех них ожидается возмущение⁵. Такие новости были неприятны, однако при виде собранных войск мы не страшились неприятелей. Из окрестных селений, впереди нас находившихся, казаки сгоняли в лагерь множества рогатого скота, который раздавали в полки на порцию. Все принимало военный вид: странная смесь разного рода войск, обоза, артиллерии, с лошадьми и скотом, всеобщее движение взад и вперед, звуков оружия, мычание волов, ржание коней и говор солдат представляли любопытное зрелище для тех, кто в первый раз вступал на военное поприще. Окрестности дымились от бивачного огня. К вечеру перед лагерем загорелась корчма; пылающий огонь среди зеленого кустарника и с последним лучом заходящего солнца увеличивал красоту воинственной картины. Взоры мои развлекались многими предметами, которые своею занимательностью погрузили меня потом на несколько минут в мрачную думу... В сумерки нашу артиллерию повели на левый фланг, в первую линию.

Следующего дня (15 июня) восходящее солнце осветило российское неустрашимое воинство в боевом порядке перед Вильною. С первым лучом дневного светила во всех полках музыка с барабанами возвестила зарю. У каждого воина кипел дух брани за родину. Утренний холод освежал мужественные лица солдат. Важная тишина и спокойствие в лагере скрывали в себе нечто страшное. С пробуждением всех началась воинская деятельность: разводы по караулам, дежурство и проч.; команды с артельными котлами гремели на речке за водою, задымились кухни, и заварилась солдатская каша.

Наша рота артиллерии стала в боевом порядке на самом конце левого фланга первой линии на возвышении, с которого открывалось вдоль все расположение войск обоих корпусов. Впереди от линии, на дальнейшее расстояние простирался частый кустарник; позади оставался город. Утренний звон колоколов возвещал печальную молитву жителей, ожидавших своей участи. Страшный гул носился по всей окрестности. Мы стояли, готовые к бою, в каком-то ожидании и помышляли о неприятеле, который таился пред нами; казалось, он, пробираясь в тишине чрез кустарник, скоро сделает нападение; как вдруг из-за

кустов выскочил заяц и бросился к фронту пехоты. Все встревожились, стали кричать, махать руками и гонять дезертира; уstraшенный зверь, прижав уши, обратился на нашу батарею: тут кто чем попало бросал в него, и заяц попал под кононера, который, упавши нарочно, придавил несчастного. Старые бомбардиры заметили в этом зайце счастливое для себя предзнаменование; некоторые говорили: «Беда была бы неминуемая, если бы косо́й перебежал через батарею; так случилось под Фридландом.» — Мы зайца велели изжарить и, шутя, говорили за обедом, что едим какого-нибудь знатного неприятеля, превращенного ведьмою в животное, эмблему трусости.

Целый день простояли мы благополучно на месте. Слышно было, что французы в 20 верстах от нас при новых Троках стягивают войска, а потому ожидали мы, что непременно завтра у нас будет сражение; но ввечеру получили приказ — ретироваться.

16 июня с рассветом дня войска тронулись в ретираду.

<...>

23 июня, с самого утра слышали мы позади себя и влево ружейную перестрелку, которая беспрестанно усиливалась. Генералы распоряжались, адъютанты беспрестанно летали взад и вперед с известиями и приказаниями; но в лесу нам негде было развернуться, а перестрелка все ближе и ближе трещала почти над ушами. Мы, закрытые с обеих сторон тесной дороги лесом, не могли ничего видеть; но, прибавляя беспрестанно шагу, выплелись благополучно из общей завязки. Дело, по рассказам, вышло горячее. При селении Давгелишках неприятельский авангард нагнал наш арриергард под командою генерала Корфа, который успел перейти р. Десну и разрушить мост. Французы, под прикрытием своей батареи в 30 орудий, снова навели мост и перешли; наш арриергард расположился на ближайших высотах и храбро отражал преследователей. Виртембергские егеря лезли как бешеные. Это обстоятельство произвело сильную перестрелку с обеих сторон, весьма близко от пути нашей колонны. Французы усиливали натиск, а русские, упорно защищаясь, отступали. При сем случае казачий полковник в атаке ранил и взял в плен Виртембергского принца Гогенлоге. Покуда продолжалась перестрелка, мимо нас из леса на дорогу провезли в тележке темномалинового гусара: высокий кивер, длинные височные плетешки и толстый пучок на затылке являли в нем воина с чужеземными для нас признаками. Это был первый неприятель, которого я увидел и рассматривал с особенным любопытством. Фигура его обнаруживала стройного мужчину; он сидел на тележке, склонив голову и потупив взор; он не хотел взглянуть на идущих мимо его русских солдат, и, казалось, стыдился своего плена — это был дремлющий дракон.

Причиною сильного натиска французов было то, что они хотели отрезать 3-й корпус. Правее нашего, 6-й корпус генерала Дохтурова,

отошедший от 2-й армии, почитался уже пропащим. Проходя лесом, ежечасно и мы ожидали, что с какой-нибудь стороны выскочат на нас французы. Для русских, не привыкших ходить назад без драки, неприятно было видеть, что везде при ночлегах являлись им укрепленные лагерные места, где войска строились в боевой порядок, почти не выходили из фронта и, переночевавши с опасением от нечаянного нападения, при наступлении дня опять уходили. Солдаты говорили: видно, французы очень сильны, что, бросая укрепления, мы поневоле должны убежать от них. Так ретирада всегда ослабляет дух в войске.

В следующий день мы вышли из лесов на открытые места, пересекаемые рощами и заселенные деревеньками, которые, однако, были пусты; крестьяне оставляли свои жилища на произвол приятелей и неприятелей. Команды, посылаемые из лагерей за дровами и соломою, по ненависти к полякам, которых почитали изменниками, тащили из пустых фолькварков и деревень все, что попадалось им в руки; в биваках являлись стулья, столы, перины, одеяла, занавесы, посуда и всякая живность... Главнокомандующий, в отвращение худых последствий для нравственности солдат, издал по армии строгий приказ, которым угрожал расстрелять каждого, у кого в лагере найдутся незаконно присвоенные вещи.

<...>

27 июня, ввечеру, войска вступили в укрепленный лагерь на Двине. Нашей артиллерии досталось место в конце левого фланга по отлогости берега так, что мы с пушками, спрятавшись в высокую зеленую рожь, не могли ничего видеть пред собою. 4-й корпус с 2-м кавалерийским расположились на левом фланге позади последних редутов.

Укрепленный лагерь на Двине⁶ изготовлялся еще до открытия кампании, а потому намерение наше: ретироваться — должно бы быть известно Наполеону, который мог предпринять заранее меры для разделения наших сил. Положение этого лагеря во многом уподоблялось лагерю Петра I-го под Полтавою. Там, позади лагеря, находились река и крупные овраги, чтобы для русских не оставалось ничего иного, кроме смерти или победы; здесь также позади была большая река и крутой берег, но для спасения войск, в случае неудачи, приготовлено было три больших моста под прикрытием окопов. Там впереди находились закрытые лесом места и устроенные редуты; здесь также был лес, и очень близко к левому флангу, где поделали засеки; перед фронтом же всего лагеря было десять редутов. Наконец, от участи сражения также и здесь зависело спасение или гибель одной армии из двух враждующих сил. Судя по великим трудам и издержкам для устройства укреплений обширного Двинского лагеря, надлежало предполагать, что главнокомандующий намеревался здесь дать генеральное сражение; однако

намерение его не исполнилось. Может быть, Наполеон избегал с нами встречи в Двинском лагере, опасаясь участи, постигшей героя Швеции, или вовсе не намерен был пробиваться чрез бесплодные губернии к северной столице нашей; одним словом, он не хотел приступить к Двинскому лагерю и оставил нас в покое.

Скрывшись за редуты, мы имели ту выгоду, что несколько дней отдыхали спокойно. Главнокомандующий ожидал здесь прибытия второй армии, которая по назначению должна была следовать чрез Вилейку и Минск; но путь ее был в одно время продолжительнее пути первой армии; сверх того, в начале ретирады Наполеон употребил стратегическое средство для разобщения двух армий наших, послав из Вильны маршала Даву с войсками в разрез между нами. Мы не без причины беспокоились об участии князя Багратиона, и солдаты называли его армию *второю западною*.

День вступления войск в Двинской лагерь был знаменитым днем Полтавской битвы; по этому случаю объявлен высочайший приказ, которым поддержали несколько в русских солдатах дух, колебавшийся уже от начала необыкновенной ретирады. Сказано было, «что до соединения армий, временным и нужным отступлением удерживаемо было кипящее мужество воинов остановить дерзкий шаг неприятеля; но теперь предстоит новый случай оказать известную храбрость и приобрести награду за понесенные труды». — В силу этого приказа все полагали решительно выждать здесь неприятеля. Мужество снова закипело в сердцах русских солдат; друг другу напоминали предание о Полтавской битве, и все готовы были на Двине последовать достойному примеру предков.

Слухи носились, что на аванпосты неприятельские была подкинута с нашей стороны прокламация к французским и немецким войскам. Первым представляли, что они суть слепые орудия неограниченного и ненасытного честолюбца, а вторым объясняли унижение, которому они подвергались, служа утеснителю их отечества. Если подлинно была выпущена от нас такая прокламация, как одно из средств, вредящих неприятелю развращением нравственности солдат, то едва ли она могла быть тогда действительною. Французы были ослеплены славою Наполеона, доколе орлы его влекли за собою победу; немцы же столь были уверены в неизменности его могущества и так сильно страшлись мщенья, что не могли прельститься никакими предложениями.

